

Сюй Шанлу возлагал на него слишком большие надежды.

Лян Цзянь допил воду из стакана и на мгновение замолчал. Его голос прозвучал без каких-либо эмоций:

— Значит, Шанлу, ты хочешь жить со мной, чтобы сбежать от отца?

Или, иными словами, он хочет, чтобы Лян Цзянь занял место отца?

Лян Цзянь включил телевизор, и Сюй Шанлу подошел, сев рядом с ним.

По финансовому каналу показывали интервью с элегантным президентом корпорации, чье состояние исчислялось миллиардами.

Тело Сюй Шанлу, прислонившегося к нему, слегка напряглось. Лян Цзянь обнял его за плечи, и юноша послушно склонил голову ему на плечо, однако взгляд его был прикован к мужчине в дорогом костюме на экране. Губы Сюй Шанлу были плотно сжаты, а на лице застыло холодное, гордое выражение.

Так это и есть тот самый никчемный папаша Сюй Шанлу?

Лян Цзянь задумался.

В самом деле, человек, сумевший создать бизнес-империю, несомненно, обладает уникальной харизмой. Острое коммерческое чутье и выдающиеся способности — вот секреты успеха Сюй Юаня.

Однако жесткие методы и невыносимая тяга к контролю сделали его одиноким правителем на вершине успеха.

Каким бы блестящим он ни казался со стороны, для Сюй Шанлу он был лишь ужасным, несостоявшимся отцом, который пытался насильно проложить путь для сына.

— С меня хватит, учитель, — Сюй Шанлу выхватил из рук Лян Цзяня пульт и переключил канал.

— Ты боишься его? — с любопытством спросил Лян Цзянь.

Он почувствовал, как тело юноши мелко дрожит.

Сюй Шанлу усмехнулся:

— Я ненавижу его.

Он сделал паузу, его глаза потемнели, и он добавил:

— Я ненавижу и самого себя. Почему я его родная кровь? Почему я должен подчиняться ему, как марионетка?

Мать забеременела после того, как отец изнасиловал ее, но он вел себя так, будто ничего не произошло, и женился на другой.

Когда мать, пытаясь вылечить маленького Шанлу, встала перед Сюй Юанем на колени, умоляя

о деньгах, тот лишь унизил ее, и она в порыве отчаяния выбросилась из окна. Сюй Юань, боясь огласки, словно для вида бросил им немного денег.

У Сюй Юаня и его бывшей жены не было детей, но ему нужен был наследник, и тогда он вспомнил о внебрачном сыне, в жилах которого текла его кровь, и с барского плеча позволил Сюй Шанлу вернуться в семью.

— Я ненавижу свою слабость и беспомощность.

Лян Цзянь молча слушал его гнев, грусть, тревогу, разочарование и растерянность.

Он погладил Сюй Шанлу по голове, с нежностью думая о том, что тому всего семнадцать лет.

Все эти шипы, которыми он оброс, нужны лишь для того, чтобы защитить себя.

— Ты еще мал. Тебе нужно набраться терпения, копить силы и ждать своего часа. Когда повзрослеешь и поступишь в университет, уедешь далеко-далеко, разве сможет он тебя удержать?

Мир огромен, и простор для действий безграничен.

Лян Цзянь нежно поцеловал Сюй Шанлу в лоб, утешая и подбадривая:

— Что бы ни случилось в будущем, я буду рядом с тобой.

Это были не просто сладкие слова, это была клятва.

Сердце Сюй Шанлу дрогнуло, в носу защипало. Незнакомое чувство наполнило его душу — чистое и пьянящее, словно выдержанное вино.

Его взгляд, устремленный на Лян Цзяня, тонул в нем, как в прозрачной глади озера. Юношеский пыл и крайности постепенно утихали, оставляя лишь легкую рябь на поверхности души.

Чем он заслужил такого нежного и понимающего возлюбленного, как Лян Цзянь?

Он не должен превращать Лян Цзяня в спасительную соломинку для борьбы с отцом, не должен бездумно растрачивать его почти снисходительную любовь.

Сюй Шанлу серьезно обхватил лицо Лян Цзяня ладонями, пристально глядя в глаза.

— Я люблю тебя.

Слишком много людей в его жизни были лишь случайными прохожими; они исчезали в мгновение ока, не оставляя и следа в сердце.

Но Лян Цзянь — его путеводная звезда.

Отныне его больше не заботят эгоизм и жестокость отца, он не будет страдать из-за матери. Он нашел то, что принадлежит только ему.

Лян Цзянь не должен быть заменой его родителям, он не может восполнить нехватку родственной любви.

Да ему это и не нужно.

Потому что Лян Цзянь подарит ему единственную любовь, которая пройдет через всю жизнь.

Вопрос о совместном проживании пока отложили. Сюй Шанлу перестал околачиваться с сомнительными друзьями и взялся за учебники. Он был невероятно способным учеником: схватывал все на лету, умел применять знания на практике, и вскоре его успеваемость резко подскочила, закрепив за ним место в тройке лучших в классе.

У многих отвисли челюсти.

Бывший школьный хулиган стал отличником — такой резкий поворот событий они не могли переварить.

— Учитель Чжао, как вам удалось так его обучить? Поразительно!

Когда коллеги спрашивали об этом, Лян Цзянь лишь сдержанно улыбался и скромно отвечал:

— Он сам взялся за ум, я лишь немного направил его.

Про себя же он думал: как удалось обучить? Если расскажу — в обморок упадете.

Как насчет метода: не допишешь контрольную — не видать тебе моей постели? Кто-нибудь осмелится повторить?

...

Выходные. Пошел первый снег.

Сюй Шанлу открыл ящик стола и положил в рюкзак изящную коробочку. Это были часы Rolex, которые он выбрал несколько дней назад, подарок Лян Цзяню на двадцать третий день рождения. На его собственном запястье красовались такие же — парный аксессуар.

Накинув легкий шерстяной плащ, он уже собирался выйти, когда к воротам дома с шумом подъехал длинный лимузин.

Сюй Юань вышел из машины, обнимая молодую красивую женщину. Увидев сына, он нахмурился.

— Куда это ты?

Сюй Шанлу не удостоил его ответом и, опустив голову, попытался обойти их, но женщина кокетливо рассмеялась:

— Шанлу, наверное, идет на свидание с девушкой. Сюй, ты слишком строг к нему.

Руки Сюй Шанлу, опущенные вдоль швов брюк, сжались в кулаки, на них проступили вены.

После смерти первой жены Сюй Юань менял женщин как перчатки, даже не пытаясь скрывать это от сына, а сегодня и вовсе привел любовницу домой.

Эта женщина была до того нелепой: то и дело называла его Шанлу, а его отца — Сюй. Видимо,

она полагала, что, пользуясь его благосклонностью, станет будущей госпожой Сюй?

Не успел Сюй Шанлу съязвить, как Сюй Юань недовольно спросил:

— Шанлу, у тебя появилась девушка?

— Да, а что? С каких это пор тебя интересует моя личная жизнь? — Сюй Шанлу обернулся, лениво опустив веки; в его глазах читалась насмешка.

Сюй Юань, задетый его тоном, помрачнел:

— Я твой отец!

Его выводило из себя это наплевательское отношение сына.

— О, — равнодушно отозвался Сюй Шанлу, взглянув на белое небо, — я знаю, что ты мой отец, мне не нужно напоминать.

Сюй Юань уже хотел разразиться бранью, но любовница остановила его.

Она, казалось, хотела задобрить Сюй Шанлу и с улыбкой сказала:

— Когда ты приведешь ее, чтобы мы познакомились? Наверное, очень достойная девушка, твоя одноклассница?

Сюй Шанлу холодно ответил:

— Нет. Он уже работает.

Улыбка на лице женщины застыла, а Сюй Юань был поражен:

— Старше тебя? На сколько?

— На пять-шесть лет, — Сюй Шанлу не собирался ничего скрывать. На самом деле, видя странное выражение лица отца, он чувствовал своего рода мстительное удовлетворение.

— Кем он работает? Из какой семьи? Как давно вы встречаетесь? Знают ли об этом его родные? — засыпал его вопросами Сюй Юань.

Он всегда считал Сюй Шанлу ребенком, а его увлечения — детскими играми. Но то, что девушка (или парень) старше его на пять-шесть лет, — это уже повод для беспокойства.

Сюй Шанлу изогнул губы в усмешке и небрежно бросил:

— Он учитель. Не из богатой семьи. Встречаемся три-четыре месяца. Родных у него нет, он сирота.

Выслушав это, Сюй Юань почернел от гнева и не мог вымолвить ни слова.

Любовница поспешила сгладить углы:

— Они еще дети, влюбленность — это не брак...

Сюй Шанлу спокойно перебил ее:

— Мы не играем, в будущем мы поженимся. — Подумав, добавил: — Не беспокойтесь.

Сюй Юань почти обезумел от ярости:

— Ты, негодный сын! Какой брак? Какая любовь? Вы не ровня друг другу, я первым буду против! И к тому же, ты должен ехать учиться за границу, я сам найду тебе подходящую партию. Не вздумай водиться с кем попало, немедленно расстанься, ты меня слышал?!

Сюй Шанлу на деле показал, что не слышал.

Он развернулся и ушел, словно выбрасывая мусор, оставив отца и его любовницу позади.

Снежинки падали на его плечи. Худощавая, прямая фигура в черном длинном плаще в этом ослепительно белом снежном мире напоминала острый меч, спрятанный в тяжелых ножнах — он еще не был обнажен, но уже излучал холодную сталь.

— Сюй Шанлу, немедленно вернись!

Сюй Юань взревел вслед, словно разъяренный лев. Он никогда не воспринимал сопротивление сына всерьез, считая его лишь бунтующим подростком, которого можно прогнать под себя. Но впервые, глядя ему в спину, он почувствовал глубокий страх.

Да, страх.

Сюй Шанлу больше не считался с ним, у него появилась другая опора...

Он больше не поддается контролю.

Как отец, он потерпел полное фиаско.

Не заботясь о приличиях, он заорал, подзывая телохранителей, его глаза налились кровью:

— Верните его! Даже если придется сломать ему ноги, притащите его обратно!

...

Лян Цзянь сидел в ресторане, то и дело поглядывая на телефон.

Сюй Шанлу пригласил его на обед, но уже прошел час, а его все не было.

Сюй Шанлу никогда не опаздывал. Даже если бы он застрял в пробке, то прислал бы сообщение. Но не было ни объяснений, ни ответа на звонки.

Лян Цзянь, нервно постукивая пальцами по столу, вдруг увидел, что телефон ожил.

Его лицо просияло, но, увидев имя звонившего, он разочарованно вздохнул.

Заместитель директора приюта.

— Сестра Цзянь, — ответил он, — что-то случилось?

— С днем рождения! — радостно воскликнула Цзянь Инъин. — Книжки, которые вы пожертвовали

детям, им очень понравились! Не могли бы вы найти время и провести у нас небольшую встречу?

— Конечно, с удовольствием, — Лян Цзянь родился там, и помогать приюту было его долгом.

Однако его тон был рассеянным. Он смотрел в окно на улицу, раздумывая, как связаться с Сюй Шанлу.

Вдруг на перекрестке он увидел красивую женщину в белоснежном пуховике, которая отчаянно махала ему рукой.

В то же время Цзян Инъин на другом конце провода удивленно воскликнула:

— Я вижу вас, учитель Чжао! Я как раз собиралась спросить, дома ли вы, чтобы передать вам небольшой подарок! Раз уж мы встретились, я сама подойду!

Лян Цзянь не ожидал такого совпадения. В любом случае, Сюй Шанлу еще не пришел, и он мягко ответил:

— Хорошо, приходите.

Он позвал официанта и заказал еще несколько блюд. Цзян Инъин открыла стеклянную дверь и села напротив Лян Цзяня.

Лян Цзянь взглянул на ее подарки и улыбнулся:

— Еще не обедали? Давайте начнем.

Цзян Инъин уловила в его голосе нотки грусти:

— Учитель Чжао кого-то ждет?

— Да, — Лян Цзянь помешивал кофе, — не знаю, придет ли он.

Его день рождения — первая памятная дата, которую они должны были провести вместе. Сюй Шанлу не должен был отсутствовать.

Но...

Где он сейчас?

Спустя почти час, когда они закончили обед, Цзян Инъин, заметив, что Лян Цзянь то и дело смотрит в окно, с улыбкой спросила:

— Ждете девушку? Она на вас обиделась?

Лян Цзянь поправил очки, не зная, смеяться или плакать:

— Не знаю.

В этот момент из-за спины послышался испуганный вскрик официанта:

— Ой, господин! Ваша рука...

Лян Цзянь обернулся. Перед ним стоял юноша с красивым, но мрачным лицом, молча глядя на

него и на сидящую напротив Цзян Инъин.

Его черные глаза были полны подавленного гнева и обиды, словно в них отражалась тень дикой птицы, пролетающей над бескрайним небом.

Его левая рука висела вдоль тела, и кровь капля за каплей падала на безупречно чистый пол, расцветая яркими алыми цветами.

Сюй Шанлу было трудно описать свои чувства в этот момент.

Он уже видел эту женщину рядом с Лян Цзянем — в тот день в коридоре Лян Цзянь заботливо поддерживал ее за локоть.

Они только что поели, оба выглядели довольными, на диване лежали изящные подарки — видно, что женщина старалась.

Они оба смотрели на него с удивлением, явно не ожидая его прихода.

Красивая пара, идеальное сочетание.

А он... кто он такой?

Лян Цзянь, увидев выражение лица Сюй Шанлу, сразу понял, что тот неверно истолковал ситуацию с Цзян Инъин. Но не успел он и слова сказать, как Сюй Шанлу горько усмехнулся.

В его улыбке сквозила привычная насмешка, но глаза, впившиеся в Лян Цзяня, горели так, словно он хотел проглотить его целиком. Он напоминал загнанного в болото зверя — тщетно и безумно.

Но голос его был пугающе спокойным, даже холодным.

— Я опоздал. Прошу прощения, что помешал вашему свиданию.

Сказав это, он развернулся.

Его походка была неестественной, он прихрамывал, низко опустив голову.

Он хотел в ярости наброситься с вопросами, хотел крушить все вокруг, хотел поцеловать Лян Цзяня, чтобы заявить свои права, хотел увести его и спрятать.

Но... какой в этом смысл?

Если он ему не нужен.

— Сюй Шанлу! — Лян Цзянь поспешно подбежал к нему, схватил за руку и начал сбивчиво объяснять: — Она мой друг, мы случайно встретились, я просто пригласил ее пообедать. Это все.

Сюй Шанлу, опустив голову, смотрел на пятна крови на полу — это была кровь, стекавшая с его руки.

Он помолчал немного и тихо произнес:

— У тебя есть с кем провести время, я тебе не нужен.

— Ты мне очень нужен!

Лян Цзянь понимал его страх потери. Сейчас было важно успокоить его. Он искренне сказал:

— Садись, давай поговорим, хорошо? Сегодня мой день рождения.

— Твой день рождения... — Сюй Шанлу усмехнулся, и в его глазах заблестели слезы, сияя, как звезды.

— Учитель, ты знаешь, почему у меня течет кровь и почему я так нелепо хромаю?

Его тон был полон печали и растерянности:

— Отец не выпускал меня, приказал телохранителям запереть меня в спальне на втором этаже. Но я хотел увидеть тебя, поэтому схватил стул и разбил окно. Стекло порезало руку. А потом я выпрыгнул со второго этажа и подвернул ногу.

Лян Цзянь содрогнулся. Его охватило чувство вины. Не обращая внимания на окружающих, он крепко обнял Сюй Шанлу:

— Прости меня.

— Я пришел, потому что хотел поздравить тебя... но увидел, что вы уже пообедали.

Кадык Сюй Шанлу дернулся, глаза покраснели, и сквозь пелену слез он перестал что-либо видеть.

Он просто оттолкнул Лян Цзяня.

Объятия Лян Цзяня были такими теплыми, но, отстранившись, Сюй Шанлу почувствовал, как ледяной холод проникает в каждую пору.

— Я позволил матери ходить на свидания. У нее будет новая семья, новые близкие. Она бросит меня — в конце концов, это не в первый раз.

Говорил он медленно, делая вид, что ему все равно.

Лян Цзянь вспомнил выражение его лица в метро, когда тот был полон гнева, и затаил дыхание.

— Я порвал с отцом. На самом деле мы давно ненавидели друг друга, раньше просто соперничали втайне, а теперь сорвали маски. Я больше не хочу возвращаться в тот дом. И он не даст мне спокойной жизни.

— Знаешь, почему я загнал себя в угол?

Лян Цзянь молчал.

Сюй Шанлу посмотрел на него глубоким взглядом, словно пытаясь выжечь его образ в самой своей сути.

— Потому что у меня остался ты... И у меня есть только ты.

— Я хочу попроситься с прошлым, хочу избавиться от этого ужасного дома, хочу быть с тобой — чистым и искренним. Ты — источник моей смелости, моя опора. Я люблю тебя больше, чем самого себя, я готов умереть ради тебя — стоит лишь сказать слово.

На этих словах слезы Сюй Шанлу наконец прорвали плотину.

В его прекрасных глазах, казалось, разлился ливень.

Лян Цзянь смотрел на него, чувствуя тяжесть в груди, словно туда забили камни. У него было столько слов, но, встретившись с чистым взглядом Сюй Шанлу, он мог лишь тяжело вздохнуть.

Цзян Инъин стояла в стороне, не зная, что делать. Она смутно понимала, в чем дело — ведь она стала искрой, разжегшей этот пожар.

Она поспешно шагнула вперед:

— Простите! У нас с учителем Чжао правда ничего нет, я заместитель директора приюта... — она внезапно хлопнула в ладоши. — О, точно! Учитель Чжао тогда поддержал меня, потому что у меня куриная слепота, в коридоре было темно, я почти ничего не видела! Вы, пожалуйста, не поймите неправильно!

Сюй Шанлу не смотрел на нее. Он не сводил глаз с Лян Цзяня.

Цзян Инъин была лишь поводом.

Между ними лежали более глубокие, укоренившиеся проблемы.

Сюй Шанлу отчетливо произнес:

— Учитель, я слишком жадный? У меня есть только ты, а тебе я не так уж и нужен. Твой день рождения — если я не приду, его отпразднует кто-то другой. Даже если я исчезну, ты просто потеряешь одного парня и быстро найдешь нового, верно?

— Скажи, что это не так! — Система не выдержала и яростно закричала в голове Лян Цзяня. — Клянусь, если ты избавишь его от этого страха потери, уровень благосклонности заполнится, и задание будет выполнено!

Лян Цзянь сохранял невозмутимость.

— Хозяин? — Система занервничала.

Лян Цзянь тихо вздохнул:

— Разве он не прав? Для меня он — лишь одна из многих целей захвата.

Но для Сюй Шанлу его учитель Лян Цзянь — это целый мир, который его поддерживает.

Жадный ли он?

Конечно, жадный.

Разве может быть у кого-то такая болезненная собственническая любовь? Хотеть, чтобы в мире остались только двое, не подпуская никого, даже ради дружбы или какой-то другой мелочи.

Может, просто запереть его в клетке?

Но Лян Цзянь все же смягчился. Это чувство, жгучее, как лава, грозило поглотить его. Его сердце дрожало, словно в далеком, почти забытом времени кто-то так же горячо и безумно любил его.

<http://bllate.org/book/21563/2220093>